

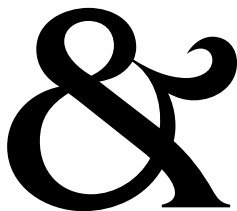
АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

**Ночь всех
СВЯТЫХ**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудри*

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47 Ночь всех святых / Антон Леонтьев. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Артефакт &
Детектив).

ISBN 978-5-04-092293-2

Услуги Андре стоили дорого, но он мог выполнить любой заказ. Даже выкрасть из секретного отдела библиотеки Ватикана некую Черную библию... Он доставил книгу клиенту, но с ужасом убедился: его хотят принести в жертву зловещему фолианту...

Светлана осталась довольна — они доказали невиновность Егора Верещагина в жестоких убийствах. Но случайный подслушанный разговор ее шефа, адвоката Юргенса, с незнакомцем очень удивил девушку: они радовались, как ловко Егор ушел от ответственности! Светлана стала следить за Юргенсом и вскоре оказалась на тайном собрании людей в черном. Все они поклонялись странной черной книге! Незваную гостью быстро вычислили, и с тех пор жизнь Светланы превратилась в ад. Пока она не встретила мужчину, который решил во что бы то ни стало найти и уничтожить дьявольскую книгу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонтьев А.В., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092293-2

«Кто в книгу эту заглянуть
дерзнет,
Того Крылатый Ужас унесет...»

Г.К. Честертон.
«Проклятая книга»¹

Германия, 1945—1946 годы

Столь близко Ганс видел фюрера впервые. Конечно, как и все немцы, он и ранее лицезрел великого вождя немецкого народа на фотографиях в газетах и в кинотеатрах, в выпусках новостей.

Ганс не сомневался в том, что фюрер — высокий, подтянутый, спортивный мужчина, который еще несколько лет назад вел Германию от одной победы к другой. Но потом что-то не заладилось, и рейх стал терпеть поражения. А все эти треклятые русские! Не надо было с ними связываться!

Когда Ганс узнал, что на берлинском вокзале, где шли судорожные приготовления к отправке таинственного бронепоезда, появится сам фюрер, он испытал почти мистический страх и трепет. Будет что рассказать родителям и Кларе, своей невесте! И тем горше было его разочарование, когда наконец, с большим опозданием, на платформе появился фюрер в сопровождении высокопоставленных офицеров.

Ганс, вытянувшись во фрунт, замер, чувствуя, что сердце колотится сильно-сильно. Вначале он даже не сообразил, что видит именно великого вождя. Сгбенный субъект походил на кого угодно, только не на Адольфа Гитлера. Да, в прошлом году фюреру исполнилось пятьдесят пять. Но разве это возраст для мужчины? Тем более для великого вождя! А субъект,

---

¹ Перевод с англ. Н. Трауберг

шаркая ногами и трясая головой, увенчанной немного кособоко сидевшей фуражкой, выглядел лет на семьдесят с лишком — старик стариком. Ганс даже чуть поморщился, подумав, что дедок случайно затесался в свиту фюрера. И только заметив, с каким почтением взирают на него окружающие, понял: перед ним действительно Гитлер.

Ганс большим усилием воли сдержал вздох разочарования. Неужели это и есть великий вождь? Вот этот сгорбленный бледный старец с искаженным лицом, заведенными за спину трясущимися руками, облаченный в какую-то потрепанную шинель? И тем не менее, да, по вокзалу шествовал великий вождь немецкого народа, рейхсканцлер и рейхспрезидент Адольф Гитлер.

Фюрер двигался медленно, по-черепашьи, и было очень хорошо слышно, как он шаркает сапогами по платформе. Ганс, не отрывая взгляда, следил за ним. Неужто поражения последних месяцев сыграли с Гитлером злую шутку? Но как же такая развалина может управлять рейхом? Разве генералы, сопровождающие его, не видят того же, что и он, Ганс?

Похоже, что нет, многие взирали на фюрера с неподдельным обожанием. Вот только рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, одетый, как всегда, с иголки и даже щеголевато, посматривал на Гитлера, как показалось Гансу, с сожалением и даже некоторым презрением. Впрочем, возможно, это всего-навсего игра теней — ведь герр Гиммлер являлся правой рукой фюрера и не должен был испытывать подобных чувств.

Кстати, о правой руке. Фюрер подошел к напарнику Ганса, Олафу, стоявшему напротив, вытянул вперед руку — и Ганс заметил, что та ужасно дрожит. Прямо как у дяди Рихарда, старшего брата матери Ганса, горького пьяницы. Неужели фюрер тоже любит закладывать за воротник?

Послышалось невнятное, глуховатое бубнение. Го-

лос Гитлера так разительно отличался от голоса, который когда-то денно и ночью лился из радиоприемников! Потом обращений фюрера к народу стало все меньше и меньше, а в последние годы их вообще не транслировали! Теперь все чаще и чаще, заходясь в экстазе и описывая учиненные русскими и американцами ужасы, выступал доктор Геббельс. А вот фюрер молчал...

Ганс не расслышал, что именно спросил фюрер у Олафа. Зато до него долетел ответ напарника — четкий, ясный, по-солдатски лаконичный. Видимо, Гитлеру понравился ответ Олафа, и он, похоже, даже улыбнулся, потому что его свита подобострастно рассмеялась.

Затем фюрер развернулся — и Ганс затаил дыхание: великий вождь направлялся к нему! Раздались шаркающие шаги, Гитлер остановился рядом. Ганс, не отрываясь, смотрел в лицо человеку, которого некогда обожала вся Германия.

Ганс был еще ребенком, когда фюрер пришел к власти, но, взрослея, не мог себе представить жизнь без этого человека, благодаря которому Германия стала самым могущественным государством на свете. Впрочем, в последние годы, а особенно в последние месяцы, все разительно переменялось: казавшийся непобедимым тысячелетний рейх трещал по швам. Даже Ганс понимал это. Однако все надеялся на гений фюрера, на то, что великий вождь изобретет план спасения и низвергнет русские и американские орды, наступавшие на Берлин.

И вот теперь Ганс позволил себе в этом усомниться. Разве может стоящий перед ним тщедушный, явно больной старик спасти рейх? Ганс заметил, что с нижней губы фюрера капает прозрачная слюна. Причем видел это не только он один, но и стоявшие рядом офицеры. Один из них услужливо протянул Гитлеру белоснежный носовой платок. Гитлер взял его трясущейся рукой, поднес ко рту, промокнул слюну.

— Солдат, как тебя зовут? — прошамкал великий вождь, причем так невнятно, что Ганс, как ни старался, так и не понял, о чем спрашивает у него Гитлер.

На мгновение повисла страшная, тягучая тишина. Ганс, чувствуя, что внезапно вспотел, стоял, вытянувшись как струна, и таращился на рейхсканцлера и рейхспрезидента. Не мог же он, в самом деле, попросить Гитлера повторить вопрос!

На помощь подоспел один из генералов — резким, лающим голосом он осведомился у Ганса, как его имя.

Ганс ответил, как его учили — быстро, четко, смотря поверх головы собеседника. Гитлер, похоже, остался доволен. Его трясущаяся рука легла на плечо Ганса, и молодой человек вновь услышал невнятное бормотание. Ему стоило больших усилий разобрать слова:

— Именно такие, как ты, спасут рейх. Потому что ждать осталось совсем немного. Скоро, очень скоро фортуна вновь окажется на нашей стороне.

А затем Гитлер последовал к поезду. Когда фюрер и его свита удалились, Ганс немного расслабился и посмотрел на Олафа, своего приятеля и напарника. Тот, похоже, все еще находился под впечатлением от встречи с Гитлером.

Убедившись, что поблизости никого нет, Ганс осторожно спросил:

— Ты думаешь, он сейчас сядет в поезд и покинет Берлин?

Произнести имя «Гитлер» он побоялся, но и так было понятно, о ком шла речь.

Лопухий рыжий Олаф, не шибко умный, зато обладавший поразительной физической силой, пробасил:

— Ты же слышал, что сказал фюрер! Победа будет за нами! У него наверняка имеется новый план! И мы победим всех этих завоевателей, которые хотят подчинить себе наш рейх!

Ганс уже давно убедился — по политическим вопросам с Олафом лучше не спорить. Тот был предан режиму и лично фюреру до мозга костей. Когда-то и Ганс был таким же. Но все изменилось в тот момент, когда родители, жившие в небольшом городке Мекленбурге, получили уведомление, что их старший сын Роман погиб на Восточном фронте.

Гансу по этому случаю дали пятидневный отпуск, и он до сих пор помнил трагическую атмосферу, царившую в родительском доме. Отец был мрачен, а мама лежала с сердечным приступом в спальне. Тогда-то Ганс впервые и услышал слова, поразившие его. И от кого услышал — от собственного отца! Тот заявил, что Гитлер не в состоянии обеспечить безопасность рейха, а потом высказал совсем уж крамольную мысль: было бы гораздо лучше, если бы прошлым летом покушение на фюрера увенчалось успехом и он взлетел на воздух в своей ставке в Восточной Пруссии.

Сначала Ганс спорил с отцом, горячо защищая фюрера, но затем смолк и стал внимательно слушать, что вещает отец. Собственно, все это ни для кого не было секретом, но раньше как-то не принято было говорить на подобные темы — о соседях-евреях, исчезнувших в одночасье еще много лет назад; о том, какая ужасная война идет на Восточном фронте, там, в красной империи русских варваров, где сражался Роман. Старший брат три раза приезжал в отпуск в отчий дом и рассказывал невероятные истории, от которых кровь стыла в жилах. Наконец, были еще повествования соседки, сын которой служил надзирателем в концентрационном лагере. Отец припомнил эти истории, а затем пришел к выводу: именно Гитлер низверг Германию в пучину невзгод.

— И откуда он только взялся? — заговорил тогда родитель. — Пришел из небытия и туда же и уйдет, только утащит всю нашу страну за собой. Ну просто чертовщина какая-то!

Слова отца засели у Ганса в голове. Из отпуска он вернулся совсем другим человеком и очень осторожно попытался поднять эту тему в разговорах с Олафом. Но тот немедленно дал ему отпор, заявив, что фюрер делает все правильно, что в гении Адольфа Гитлера сомневаются только предатели. А потом напрямую спросил у Ганса, не подвергает ли он сомнению стратегию великого вождя.

Естественно, Ганс тогда уверил Олафа, что ничуть не сомневается в том, что Гитлер сумеет спасти рейх от вторжения диких полчищ так называемых «союзников». Но крамольные мысли продолжали крутиться в голове, и с каждым днем Ганс все больше убеждался: Германию ожидает колоссальное, полное поражение.

Что произойдет с фюрером, после того как русские возьмут Берлин, он более или менее представлял, но судьба Гитлера, надо сказать, не очень его заботила. Гораздо больше Ганса занимал вопрос, что произойдет с ним самим, с родителями и с невестой. Беспокоило и то, что с Востока надвигались русские — неужели его родной городок окажется во власти этих монстров? Доктор Геббельс в своих выступлениях по радио рисовал русских подлинными чудовищами, которые разве что только младенцев не едят на завтрак. А вот Роман рассказывал совершенно иное — он ведь видел этих самых русских на фронте. И если раньше Ганс верил доктору Геббельсу, то теперь склонялся к мысли о том, что прав был старший брат. Впрочем, ведь Романа именно русские в итоге и убили!

Ганс настоял на том, чтобы родители перебрались к дальним родственникам, обитавшим под Касселем. А вот Клара, его невеста, осталась в Мекленбурге — ее отец был начальником полиции и строго-настрога запретил дочери спасаться бегством.

Никто не знал, что Ганс подумывал о том, как бы вовремя смыться из армии. Кстати, не только его, как оказалось, посещали такие идеи — несколько сослуж-

живцев действительно дезертировали. Двоих из них нашли, задержали и расстреляли на месте. Разделить их судьбу Гансу очень не хотелось. Но и быть расстрелянным русскими или американцами — тоже. Поэтому более всего его занимала мысль, что можно сбежать за границу, куда-нибудь в Южную Америку.

Однако перспектива вкалывать там на плантациях или побираться никак не прельщала. Ганс мечтал стать королем жизни, а для этого требовались деньги. Много денег! Очень много денег! Только вот где их взять?

Вот тут-то и подвернулся этот таинственный поезд. О том, куда они направляются, ни Гансу, ни Олафу, ни прочим парням, считавшимся крайне благонадежными и абсолютно преданными режиму солдатами СС, сообщено не было. Их разбудили посреди ночи и приказали упаковать вещи. Причем взяли далеко не всех, отобрав только тринадцать человек. Число «13» несколько смутило Ганса. Не то чтобы он был суеверным, однако, трясаясь под брезентовым тентом в кузове грузовика, молодой человек вспоминал то, что сказал отец, который назвал Гитлера «демоном», а тысячелетний рейх — «чертовщиной». Конечно, это была всего лишь фигура речи, но мысль, как заноза, отчего-то засела у Ганса в голове.

— Куда мы поедем, как думаешь? — спросил он сейчас, стоя на платформе и поеживаясь на холодном ветру, у Олафа. Было около пяти часов утра, но стояла еще непроглядная темень.

— Я готов выполнить любой приказ фюрера! — отчеканил напарник.

Ганс смолк. Разговаривать с Олафом бесполезно. Тот до такой степени туп, что не понимает — пришло время думать не о фюрере и рейхе, а о себе самом.

А тем временем в бронепоезд спешно грузили деревянные и металлические ящики. Гансу и Олафу тоже было велено присоединиться и помочь. Около вагонов замерли грузовики, в которых находился груз.

Ящики оказались тяжеленные, закрытые на несколько замков и опечатанные, Ганс заметил изображение имперского орла. А еще он разглядел рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, прохаживавшегося по перрону и лично контролировавшего погрузку.

Груза было много, очень много. Гансу очень хотелось узнать, что же находится в ящиках. Как ему показалось, внутри их что-то перекачивается и позвякивает. Если бы была возможность, Ганс непременно бы заглянул хотя бы в один из них.

Узнать, что же там находится, помог случай. Ганс с Олафом тащили очередной тяжеленный ящик, когда два солдата, несшие точно такой же чуть впереди, вдруг не рассчитали усилий, занося груз в вагон, — и их ноша полетела вниз, на перрон. Раздались стук, скрежет, звон — и остолбенелый Ганс увидел, что из треснувшего деревянного ящика высыпались золотые монеты, а также разноцветные сверкающие камешки.

Послышались властные окрики. Ганс, пользуясь сумятицей, наступил на пару камешков, подкатившихся к его ноге, сапогом. А затем велел Олафу поставить их ящик на перрон и немного передохнуть. Надо было подумать.

Олаф, как замороженный, уставился на сверкающую грудку золотых монет и переливающихся драгоценных камней. В том, что это было настоящее золото и настоящие драгоценные камни, а никакие не стекляшки, Ганс не сомневался. Кто бы стал грузить в таинственный бронепоезд какие-то жалкие стразы!

Несколько солдат ринулись набивать себе карманы золотом и камнями. Гансу тоже хотелось присоединиться к ним, однако он был неглупый малый и понимал: добром это не закончится.

Сапог Ганса покоился на двух весьма больших камнях, и молодой человек раздумывал, как же лучше их поднять и где спрятать. Жаль, что нельзя хапнуть еще... Но ничего, двух камешков тоже хватит, наверняка они стоят немало.

Молодой человек задумался. Однако что же получается? Выходит, поезд забит несметными богатствами? Ведь ящиков тут тьма-тьмущая, даже не сотни, а, вероятно, тысячи. И все они — сомнений теперь не оставалось — заполнены чем-то чрезвычайно ценным. Вот бы заполучить содержимое поезда в свое полное распоряжение! Тогда бы он стал очень и очень богатым!

Тут на платформе возник не кто иной, как рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, а вместе с ним лохотные офицеры в черных кожаных плащах. Один из офицеров наставил на ближайшего мародера пистолет и без предупреждения выстрелил. Солдат повалился на покрытый золотом и драгоценными камнями перрон с дырой в затылке.

— И так будет с каждым, кто посмеет взять хотя бы монетку! — заявил, посверкивая стеклами очков, Гиммлер.

Однако смотреть на труп он избегал — неужели всемогущий рейхсфюрер трусил?

Тех солдат, которые пытались набить карманы, взяли в кольцо и увели прочь. Ганс не сомневался, что их ожидает смерть. А вот что будет с ним самим и с Олафом? Пока напарник тупо смотрел на труп мародера, явно соображая, что делать, Ганс быстро убрал сапог с камешков (один был овальный красный, а другой — квадратный зеленый) и доложил одному из офицеров, указывая на них:

— Смотрите, здесь еще два лежат.

С невыносимой тоской Ганс следил за тем, как оба камня перекочевали в ящик. Зато на него обратил внимание сам Гиммлер. Подойдя к Гансу, он произнес:

— Это с тобой фюрер разговаривал, ведь так? Молодец, хорошо проявил себя! Именно такие люди мне и нужны — кристально честные и абсолютно преданные.

А затем рейхсфюрер СС отдал короткое распоряжение офицеру, который поднял «найденные» Гансом

камешки. Тот окинул молодого человека оценивающим взглядом и произнес:

— Ты и твой напарник — за мной!

Ганс содрогнулся. Ну вот, старался как лучше, а вышло только хуже! Кажется, несмотря на похвалу Гиммлера, их сейчас пустят в расход. Вот и будь после этого честным! А ведь «его» камешки были такими большими, наверняка их хватило бы, чтобы приобрести собственную ферму где-нибудь в Парагвае или Чили...

Однако вскоре Ганс понял, что расстреливать их с Олафом не собираются. Офицер доставил их к последнему вагону эшелона. Кстати, пройти туда просто так было бы невозможно — по периметру стояли часовые с овчарками.

И тут Ганс снова заметил фюрера. Оказывается, тот все еще находился на вокзале, хотя молодой человек был уверен в том, что Гитлер давно отбыл во свояси. Развернувшись к Гансу и Олафу, офицер произнес:

— Будете сопровождать эшелон! Но о том, что увидите или услышите, вы должны вечно хранить молчание, иначе — смерть!

А затем Ганс увидел, как по перрону медленно движется странный черный автомобиль, который остановился прямо напротив распахнутой дверцы вагона. Ганса смутило то, что это был катафалк — что ему делать здесь?

Из-за руля выпрыгнул подтянутый молодой тип и отдал честь фюреру, но тот даже не взглянул на него. Его внимание было приковано к самому автомобилю. Гитлер медленно подошел к катафалку, около него возник Гиммлер. Фюрер отдал краткое распоряжение, и два офицера тотчас раскрыли дверцы катафалка.

Ганс старался не упустить ни единой детали, понимая, что стал свидетелем чего-то необычного и, вероятно, чрезвычайно секретного.

Тем временем изнутри катафалка был извлечен большой квадратный ящик. Причем не простой, а, как с невероятным удивлением отметил Ганс, позолоченный. Или, кто знает, может быть, сделанный из литого золота?

Крышку ящика покрывали странные узоры и символы, но Ганс, хоть и обладавший отличным зрением, находился слишком далеко, чтобы рассмотреть все детали. Два офицера остановились, а фюрер подошел к ящику и стал стягивать с дрожащей руки перчатку. У него долго не выходило, но все терпеливо ждали. Наконец Гитлер сдернул перчатку, приблизился к ящику и положил на него руку.

Прошло несколько томительных минут. Никто не смел шелохнуться, все вокруг, казалось, замерло. И вдруг Ганс понял — фюрер читает молитву или что-то в этом роде. А дальше произошло и вовсе невероятное — великий вождь немецкого народа отошел в сторону и приложил дрожащую руку к фуражке. Он отдавал честь золотому ящику!

А офицеры, чеканя шаг, отнесли ящик в вагон. Затем Гитлер что-то коротко сказал Гиммлеру, обернулся — его взгляд замер на Гансе. Молодому человеку стало не по себе, и он закрыл глаза. А когда открыл, фюрер и его свита уже исчезли.

— Ну, живо, эшелон сейчас тронется! — послышался крик одного из офицеров. — Быстрее, быстрее!

Ганс направился к вагону, в который внесли золотой ящик, но дороге ему преградили часовые. Офицер скомандовал:

— Не сюда, в соседний вагон! Туда вход запрещен!

А двое часовых уже закрывали дверь последнего, самого таинственного вагона. Но Ганс успел заметить, что внутренние стены вагона украшены какими-то символами и картинками. Молодой человек сообразил, что не следует задавать лишних вопросов, и подчинился приказанию офицера.